

УДК 101.1 : 316

Б.М. Лепешко**СОВЕТСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: НЕКОТОРЫЕ
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА**

В статье рассматривается феномен советской цивилизации. Основное содержание статьи связано с характеристикой ряда важнейших методологических вопросов. Это, в частности, связь советского проекта с идеями западных концептуалистов, влияние на развитие советской цивилизации национальной духовной традиции. Большое внимание уделяется современным аспектам темы: значение советской цивилизации для суверенного развития Беларуси, роль социального идеала и его необходимость в рамках современного прагматического, по сути, мышления.

Введение

Можно спорить относительно того, пришло ли время для системного изучения феномена советской цивилизации. Понятна аргументация тех исследователей, которые утверждают: историческая дистанция между такого рода прошлым и настоящим слишком мала для того, чтобы оценки были точными, максимально беспристрастными, а научный поиск мог бы быть верифицируемым хотя бы с точки зрения временных констант.

Но и возражения на такого рода подходы могут быть весомыми. Скажем, то, что советское прошлое на наших глазах превращается в историографический (как минимум) феномен и хорошо бы, пока не поздно, зафиксировать его не только в аспекте психологическом, ментальном, эмпирическом, но и философском, методологическом. Или то, что интерес к СССР и феномену советскости сразу же перерос академические границы и вполне может быть рассмотрен с точки зрения не только нашего настоящего, но и ближайшего будущего. К слову, с этой точки зрения советский опыт есть предпосылка реализации прогностических функций науки. По аналогии можно вспомнить известную ремарку О. Шпенглера, утверждавшего, что история Древнего Рима и Древней Греции есть парафраз развёртывания современной истории, надо лишь научиться читать этот свиток. Те же слова можно отнести и к советской истории, о чём будет сказано ниже.

К этому можно добавить то соображение, согласно которому советское прошлое актуализируется на наших глазах. К нему апеллируют, как к аргументу, его привлекают, как доказательство или опровержение, его вспоминают и с точки зрения реалий современной политической борьбы, и в аспекте психологической поддержки целого поколения людей, которые жили в эту эпоху и предпочитают говорить о ценностях этой эпохи, а не о её недостатках – кстати, понятная с человеческой точки зрения позиция. В каком-то смысле можно даже говорить о современности советского миропонимания, советской философии жизни: живы и здравствуют многие носители этих ценностей, достаточно уверенно по некоторым параметрам чувствует себя известная методология, марксизм-ленинизм, можно говорить и соответствующей социальной практике, в том числе на примере развития суверенной Беларуси.

В данном контексте само понятие «цивилизация» отдельно не анализируется, не рассматривается – это тема отдельного разговора. Можно лишь сказать, что правомерность употребления данного термина применительно к советской истории обусловлена рядом факторов. Во-первых, это понимание уникальности этого исторического, государственного, философского, ментального феномена. Во-вторых, мы можем достаточно чётко зафиксировать временные, смысловые, философско-психологические, политические и иные границы существования этого явления и его

существенные черты. В-третьих, понятие «цивилизация» здесь может быть рассмотрена достаточно широко и автор не считает себя связанным каким-то одним её толкованием.

В предлагаемой читателю статье речь пойдёт лишь о некоторых методологических подходах к пониманию феномена советской цивилизации. Не вызывает сомнений то утверждение, что мы накануне появления монографий, диссертаций, предметом которых станет советская цивилизация. Интерес к теме велик и он будет удовлетворён. Но прежде, чем будут рассмотрены конкретные вопросы, обращено внимание на детали, имеет смысл остановиться на некоторых общефилософских моментах, попробовать определить тот базис, на основе которого изучение данного явления может быть и реальным, и плодотворным. И, в этой связи, первый вопрос может звучать так: так чей же это проект, СССР, каких универсальных умов, кто может претендовать на лавры теоретических предтеч этого феномена?

СССР как западный проект

Можно даже сказать, что это европейский проект, поскольку именно европейская интеллектуальная традиция заложила основы советского миропонимания и соответствующий теоретический базис. Надо лишь сразу же особо подчеркнуть: речь идёт именно о теоретических, концептуальных вещах и процессах, поскольку на уровне индивидуальном, уровне личных исканий, да и уровне народных утопий в целом данная традиция была распространена повсеместно, и здесь критерий «Запад – Восток» не работает. Легенды о «золотом веке», уравнилельные проекты такая же принадлежность всех стадий развития человеческого общества, как и протест против любых форм эксплуатации. Здесь и сочинения Лао-Цзы, и социальное учение раннего христианства, и дискуссии древнегреческих мыслителей вокруг проблем имущественного неравенства, и ереси, и устное народное творчество, и уравнилельный коммунизм анабаптистов.

Пожалуй, первой литературной утопией, которая несла в себе черты концептуальности, и дала имя всей домарксовской традиции, было одноимённое произведение Томаса Мора. Для нас важна констатация не только того факта, что английский канцлер XVI века провозгласил важность преобразований как в сфере потребления (о чём говорилось и ранее), но и в сфере производства. Для нас принципиально важно то, что Т. Мор выдвинул социальный идеал, близкий гуманистическим традициям и этому идеалу дал концептуальное обоснование.

Вообще говоря, мало обращают внимания на тот аспект учения Т. Мора, где идёт речь о социальном оптимизме, возможности реализации гуманистического идеала. Утопизм – это ведь больше в части средств, а вот в части идеала, как показала дальнейшее интеллектуальное развитие, можно и нужно спорить. Отвлекаясь, заметим, что как раз сегодня, в период господства «людей дела», прагматиков наиболее остро стала ощущаться важность и необходимость именно идеальных уопостроений. Потребность в «золотом веке» – это ведь вовсе не принадлежность исключительно прошлых веков. Не надо думать, что мысли о гармоничном и гуманистическом мире есть принадлежность только тех цивилизаций, которые боролись за выживание и страдали сверх меры от угнетения и рабства разных форм. «Золотой век» – это и форма поиска идеала нынешним поколением, которое выражает неудовлетворённость не уровнем материального потребления, а «погребением» идеальных форм жизни под этим самым материальным потреблением. Перефразируя известную фразу, можно сказать: нынче материальные богатства полились таким потоком, что впору вспоминать известную историю про дедушку Ноя и его поиски спасительного Аарата. То есть, идеальные конструкции, проекты будущего могут рождаться не только на основе ничтожности средств производства и тяжелейшей борьбы за выживание, но и в качестве альтернативы удушьющим объятиям общества потребления.

Конечно же, говоря об СССР как западном проекте, имеются в виду не только Томас Мор, не только К. Маркс и Ф. Энгельс, выдающиеся представители западного способа мышления, западной философской, экономической, исторической традиции. Имеется в виду тот факт, что советский проект вызревал в ходе многовекового развития (и не только интеллектуального), что он воплощал в себе высокое качество общественно-политической мысли, что он явился воплощением совокупных усилий многих универсальных умов человечества. Достаточно вспомнить в этом контексте известное замечание Ф. Энгельса, который писал: «Немецкий теоретический социализм никогда не забудет, что он стоит на плечах Сен-Симона, Фурье и Оуэна – трёх мыслителей, которые, несмотря на всю фантастичность и весь утопизм их учений, принадлежат к величайшим умам всех времён и которые гениально предвосхищали бесчисленное множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно...» [18, с. 498–499]. О каких, интересно, идеях речь идёт, прежде всего?

Это, в частности желание великих утопистов, освободить всё человечество, а не какую-то одну группу людей. Это идея общественной закономерности и противоречивости общественного процесса, понимание труда как первой потребности человека, преодоление противоположности между умственным и физическим трудом и т.д. Но хотелось бы обратить внимание не только на эти, достаточно известные характеристики. Для нас важен методологический аспект проблемы. Обратимся к конкретному примеру. Фридрих Энгельс, характеризуя в одной из своих работ («Развитие социализма от утопии к науке») взгляды Ш. Фурье, писал, что французский социалист беспощадно вскрывает всё материальное и моральное убожество буржуазного мира и сопоставляет его с заманчивыми обещаниями прежних просветителей об установлении такого общества, где будет господствовать только разум. То есть, высказывает мысль такого порядка: сам по себе идеал, даже рационалистический (всесилие разума), сталкиваясь с действительностью, может обнаружить свои концептуальные недостатки. Другими словами, разум не всемогущ. Если мы эту мысль, эту констатацию классика марксизма перенесём (экстраполируем) в нашу сегодняшнюю жизнь, если мы попробуем использовать этот подход в качестве методологического ключа, то обнаружим немало интересного. Скажем, обнаружим парадокс такого рода: новое поколение нынешних свободных людей, которое не знало ни господства моноидеологии, ни сталинских репрессий, ни «удушающих объятий» пионерских и комсомольских организаций, а зрело и развивалось на прекрасных и высоких идеалах либеральной идеологии, может тяготеть к экстремизму и ксенофобии, чему мы были свидетелями, в частности, в декабре 2010 года. В Москве, на Манежной площади тысячи молодых людей протестовали против того состояния российской действительности, которое они считали несправедливым, не имеющим ничего общего ни с либеральными идеалами, ни с какими бы то ни было идеалами вообще.

Конечно, параллель между преклонением просветителей перед всемогуществом разума и нацистскими лозунгами вырвавшихся на оперативный простор молодых людей, подогревающих себя ксенофобскими высказываниями, может показаться надуманной. Однако суть в данном случае не только в параллелях, но и в той простой констатации, согласно которой идеалы тогда чего-то стоят, когда сопровождаются соответствующим социальным инструментарием. То есть работой в массах, решением простых и понятных большинству населения задач, пониманием иерархии предпочтений и следование ей и т.д.

Когда мы говорим о связи советского опыта с западной интеллектуальной традицией, то имеем в виду, прежде всего, универсализм идеи социальной справедливости, требования отмены частной собственности, лозунга социальной справедливости. Весь вопрос стоял в плоскости придания этим вечным идеям статуса научности, что и было предложено К. Марком и Ф. Энгельсом в известной теории. Здесь сразу же возни-

кает такой вопрос: можно ли советский опыт назвать следствием немецкой традиции или интеллектуальной традиции Франции, это результат усилий английских авторов или американских деятелей эпохи Гражданской войны за независимость и последующего развития страны? Очевидно, нет. Заслуга Ф. Энгельса и К. Маркса состояла в том, что они предложили вариант развития социальных событий исходя из накопленного интеллектуального опыта и соответствующей практики всей западной цивилизации. И ведь суть в том, что этот проект стал реальностью. Что бы и как не происходило в дальнейшем (гибель СССР), но не надо отрицать главного: опыт реализации той великой мечты, над деталями и средствами достижения которой бились самые светлые умы человечества, стал реальностью после 1917 года. То есть, упрощая ситуацию, можно констатировать: в главном и Томас Мор, и Роберт Оуэн, и Гракх Бабёф были правы. Идеи социальной справедливости, основанные на ликвидации частной собственности (её ограничении), разрушении основ эксплуатации в сфере производства и несправедливостей в сфере потребления, гармонизации общественных отношений могли быть реализованы на практике, и были реализованы на практике. Вне зависимости от дальнейшей судьбы и этих идей и соответствующей практики.

Здесь, кстати, есть и такой интересный момент. Если предположить, что советская цивилизация была выпестована западной цивилизацией, то не следует ли из этого, что гибель СССР предвещает гибель и западной цивилизации? Идея не столь фантастическая, как это может показаться на первый взгляд. Ведь вся отечественная, интеллектуальная традиция вплоть до XIX века вырастала из достижений западной мысли. И мы эту самую мысль доводили до самой высокой степени концентрации. Вспомним декабристов, поколение Отечественной войны 1812 года – они возрастали на идеях французского просветительства и Вольтер, Дидро были их кумирами. А концентрированным воплощением этих идей стал 1825 год, известные события на Сенатской площади. Вспомним последующую генерацию узкого круга «архивных юношей» (А. Пушкин), здесь уже правили бал Кант, Гегель, Шеллинг, позже Фейербах, словом, господствовала немецкая философская традиция. Правда, именно в это время появился и Пётр Чаадаев, который сказал одно из первых самостоятельных слов на ниве отечественной, интеллектуальной традиции, но это уже несколько иная тема. Поэтому нет ничего удивительного в том, что выдающийся русский мыслитель Г. Плеханов в иных исторических условиях «заболел» марксизмом, стал верным адептом этой теории, сделал очень многое для её популяризации в нашей стране. Владимир Ленин в этом смысле был «сыном» Г. Плеханова, хотя стоит оговориться, что Георгий Валентинович писал после революции 1917 года, что если В. Ленин и является, его сыном, то незаконнорождённым. Речь шла, конечно, о тактических разногласиях в русской революции. Таким образом, западное влияние, как минимум, очевидно и связь русской революции начала XX века с соответствующей западной практикой сомнений не вызывает. Но как здесь быть с традицией национальной? Отвечая на этот вопрос, мы подходим к следующей проблеме: действительно, а какова роль в исследуемом нами процессе национальных мыслителей?

СССР и национальная духовная традиция

Конечно, утверждать, что Владимир Ленин, его идеи и соответствующая социальная практика находились в русле столбовой дороги духовных исканий наших предков, было бы, наверное, слишком смело. И здесь главным является тот факт, что основным лейтмотивом русских духовных исканий с начала XIX века были не только поиски социальной справедливости, искания правды, но поиски социальной истины с точки зрения таких ценностей, как религия (как высшая ценность) и ненасильственные действия как средство достижения цели. Вот по этим двум основным пунктам В. Ленин и его дело плохо вписывается в национальную, интеллектуальную традицию.

Отвлекаясь, заметим: когда-то был популярным вопрос: ответственен ли мыслитель за то, что его идеи после его ухода из жизни, в иные эпохи могут быть использованы против человечности? Классический пример – Ф. Ницше и идеология нацизма, заимствование идей великого немецкого мыслителя идеологами ведомства Геббельса. В этой связи может быть поставлен вопрос и такого рода: виноват ли Карл Маркс (западная цивилизация) в том, что в советскую эпоху (30-е годы XX века) его идеалы и мысли были интерпретированы столь пагубно? Мне хотелось бы поставить этот вопрос, эту аналогию ещё и вот в каком смысле: как сопрягаются эти две ветви русской философской традиции: одна, скажем (условно) соловьёвская (от Вл. Соловьёва, самого крупного нашего мыслителя-идеалиста) и другая – ленинская. И кто, и за что несёт историческую ответственность? Скажем, Ленин ответственен за деяния своих последователей? Но мало того, вопрос может быть поставлен и шире: а духовные отцы из лагеря либералов, из стана философского идеализма несут ли ответственность за то, что произошло в XX веке? Вопрос не случаен: тот же Н. Бердяев, рассуждая о причинах великого переворота начала XX века в России, рассуждал именно об ответственности деятелей своего круга в произошедшем.

Ведь не откровение тот факт, что главные достижения великой национальной культуры второй половины XIX – начала XX века были связаны вовсе не с марксизмом, вовсе не с плехановскими идеями о базисе и надстройке, материалистическом понимании истории и широко известными идеями Владимира Ленина. Главные достижения, которые лежат в основе нашей национальной духовной традиции, были выработаны Ф. Достоевским и Л. Толстым, Вл. Соловьёвым и Н. Бердяевым, П. Флоренским и В. Розановым, собственно, список этих выдающихся имён известен и не нуждается в комментировании. Но почему же тогда на острие общественного интереса, в эпицентре политических изменений встала фигура Ленина? Это что, историческая случайность? Игра некоего глобального марксистского разума? Может, истоки произошедшего (исторический выбор народа, революция) надо искать в психологии масс, ментальности?

Методологически основным здесь должно быть, на наш взгляд, следующее положение. Национальная духовная традиция была вся основана на напряжённом поиске правды, напряжённом поиске справедливости, истины. Это было свойственно литераторам, философам, в целом всем деятелям отечественной культуры. Общеизвестно: духовные, интеллектуальные искания постоянно исходили из приоритета «вечных истин», из поиска тех идеалов, которые примирят большинство. Да, мыслители могли говорить о «правде революции», но они никогда не призывали революцию, никогда не были сторонниками жёстких мер, никогда не говорили о возможности насильственного изменения действительности. Но вот слова о правде и справедливости были общими. Вот здесь, на наш взгляд, произошло своего рода «смыкание», переплетение тех идей, которые высказывались под флагом столь популярного в начале прошлого века «экономического материализма» и отрабатывались целой плеядой великих идеалистов. Во всяком случае, общественное сознание было готово принять такого рода связь и приняло её как данность.

Возьмём творчество Владимира Соловьёва. Общеизвестны его основные идеи: Царство Божье на земле, всемирная теократия, идея всеединства (соборности), «снямающая» все возможные противоречия и т.д. Но в основе теоретических построений этого великого идеалиста всё та же правда, всё та же справедливость, всё тот же вечный поиск истины. Или Василий Розанов. Да, эпатазирующие откровения «Опавших листьев» и «Мимолётного», да, «Бородатые Венеры древности», но и в то же время – напряжённые поиски социального идеала. Конечно, отношение Владимира Соловьёва и Василия Розанова к своим оппонентам было разным. Великий русский систематик, идеалист был, скорее, близок ко Льву Толстому с его непротивлением злу насилием, достаточно

вспомнить в этой связи его известный призыв к новому царю пощадить убийц монарха предыдущего, Александра II. Или осуждение им А. Пушкина в известной статье за то, что поэт всё же хотел стрелять в своего противника, был готов и убивать, а это не по-христиански. Василий Розанов занимал более жёсткую позицию. Вспомним, как он призывал «вывести из-за стола» (исключить из зоны общественного внимания) всех демократически настроенных писателей, даже Николая Чернышевского. Вывести грубо, как «навонявшего в комнате конюха». Но, по сути, по базисным своим идеям, основным категориям учения они стремились к тому же, о чём говорил и Владимир Ленин с присными: в основе нашего настоящего и будущего именно, правда, справедливость. В этом аспекте советская цивилизация восприняла как базисные, основополагающие те ценности, которые были выработаны не только марксистской традицией, традицией народовольческой и далее, по нисходящей линии, вплоть до исторически первых выступлений крестьян против поработителей. В этом кроется и секрет «органичности» советской цивилизации для многих людей. «Своим» был не только Владимир Ленин, не только Степан Разин и Емельян Пугачёв. Своими были и Лев Толстой, и Фёдор Достоевский, и Антон Чехов. Как ни парадоксально, противоречия между Владимиром Лениным и, скажем, Львом Толстым в одном, как минимум, пункте не было, хотя один из них был убеждённым атеистом, революционером, готовым к насильственным действиям, а второй – национальный Будда, призывающий к новой религии и новому миру, без насилия и крови. Пункт этот – всё та же, правда, всё та же справедливость. Но это – важнейший для национального сознания пункт.

Надо признать прямо и иное: величайшее зло, величайшая несправедливость заключалась в том, что остальные «пункты», пункты идейных, философских разногласий превратились в тексты приговоров, когда реальных, когда метафизических, но от этого не менее страшных. Забыть, где находятся могилы Василия Розанова, Константина Леонтьева, хуже того, сровнять их с землёй, сгноить в лагерях Павла Флоренского, вычеркнуть из программ университетов Соловьева, Бердяева, Иванова, Мережковского – это, вне сомнений, преступление, тяжкий грех. И здесь сложно, невозможно говорить о единстве духовных традиций.

Таким образом, можно констатировать: советская цивилизация вовсе не была проектом, привнесённым в нашу жизнь исключительно с запада и не имеющим ничего общего с нравственными, духовными, интеллектуальными исканиями национальных мыслителей. Это был и национальный проект, неразрывно связанный с национальным пониманием ценностей, приоритетов. Вот, скажем, простой вопрос: почему народное сознание после известных событий начала XX века (Октябрьская революция) готово было безоговорочно принять немцев Маркса, Энгельса в качестве «своих» духовных отцов и никто из революционеров никогда и ничего не заявлял о непримиримости с их немецкостью, никто не говорил о них как об инородцах? Ведь ещё недавно в окопах воевали, с этими самыми немцами. Это произошло, том числе и потому, что нашему народу действительно свойственен мессианизм особого рода, мессианизм, основанный на идее, цели решать именно общечеловеческие задачи, а не задачи узко национальные и потому эгоистические. Вспомним, например, известные призывы в этой связи Фёдора Достоевского, который писал в одной из статей в 1861 году: «Русский человек сочувствует всему человеческому вне различия национальности, крови и почвы. Он находит и немедленно допускает разумность во всём, в чём хоть сколько-нибудь есть общечеловеческого интереса. У него инстинкт общечеловечности. Он инстинктом угадывает общечеловеческую черту даже в самых резких исключительностях других народов» [2, с. 38–39]. А теперь вспомните ключевые фразы многих национальных марксистов о том, что у них «нет отечества», что пролетарский интернационализм это новый принцип человеческого общежития, что Россия призвана воплотить в своей истории лучшие

черты предыдущего развития и идти дальше – нет ли чувства, что слова разные, а суть, как минимум, близка?

Когда мы утверждаем, что советская цивилизация генетически выросла не только из западной, но и национальной духовной традиции, то тем самым и определяем и противоречия этой цивилизации, её парадоксальность, невозможность определить её сущность в категориях одной методологии. Можно ли с точки зрения канонов западной рационалистической методологии определить, квалифицировать и систематизировать дела и поступки советских людей, их самопожертвование, их идеализм, следование идеалистическим умопостроениям? Как, скажем, с этой точки зрения квалифицировать жизнь Павла Корчагина из романа Н. Островского «Как закалялась сталь»? Хотя – попытки известны. Одна из британских энциклопедий так охарактеризовала сюжетную линию романа: «это книга о коммерческом и жизненном успехе молодого калеки». Но – поколение советских людей разве согласится с таким определением? Вряд ли. С другой стороны, как «вписать» в схемы, догмы марксистской методологии то, что никак туда не вписывается: новую экономическую политику 20 годов, политику в военной сфере (военспецы), «примирение» с государством и чиновничеством старой России и т.д. Или всё это определить по ведомству творческого развития марксизма?

Общеизвестно, что и К. Маркс, и Ф. Энгельс, да и сам В.И. Ленин были уверены: новая цивилизация возникнет в развитых капиталистических государствах Европы, во Франции, в Германии. А всё произошло в полуазиатской России. Рождения цивилизации в спроектированном западными теоретиками «чистом виде» быть, очевидно, не могло. А то, что события революционного характера произошли в стране с сильными традициями «общечеловечности», борьбы за истину и правду лишь придали новому государственному устройству те формы и ту сущность, основные черты которой развивалась весь XX век. Здесь же, в этом контексте для нас особый интерес представляет такая тема, как судьба белорусской государственности в составе СССР.

СССР и Беларусь

Будем реалистами: белорусское государство, БССР было во многом рождено Великой Октябрьской социалистической революцией. Если бы Российская империя не ветшала столь быстро и столь же быстро не исчезла с исторической арены, национальному самосознанию, национальным государственным силам понадобился бы, очевидно, длительный период для решения важнейшей национальной задачи – строительства суверенного государства. В этом смысле советская цивилизация «выносила» в себе белорусскую государственность, более того, она способствовала развитию многих её сущностных черт в тот, начальный период своего появления на свет.

Если обратиться к методологическим параметрам изучения вопроса, то здесь, на наш взгляд, важно сосредоточиться на некоторых проблемах, и первую из них можно обозначить так: были ли, существовали ли альтернативы именно сложившимся формам национального развития? Это тем более важно, что достаточно часто апеллируют к опыту Белорусской народной республики (БНР), называя этот опыт опытом первой реальной государственности. Сразу же хотелось бы оговориться: стоило бы приветствовать, стоило бы лишь радоваться тому, что национальная государственность возникла не в 1991 году, а почти на век раньше. Но столь же важной является мысль о важности исключения из нашего научного оборота мифологических сюжетов. Принципиальным в этом контексте является не перечень объективных и субъективных причин, которые привели, например, к краху БНР, не предпосылки массовой советизации наших земель в первой четверти прошлого века, а реальное положение вещей. Можно сколько угодно и как угодно рассуждать о том, почему получилась так, а не получилось эдак, но исто-

рическая реальность всегда выше любых метафизических, да и историографических спекуляций.

К слову, этот же подход, может быть, применим к событиям, связанным с гибелью СССР. Сегодня нет недостатка в разного рода версиях, гипотезах случившегося в декабре 1991 года, причём очень убедительных версиях и гипотезах. Но все они имеют смысл в очень узких пределах эвристического поиска, когда интерес представляет лишь некий набор эпистемологических рассуждений. Суть вопроса это нисколько не меняет: СССР «умер», а это значит, что в момент его ухода все мыслимые альтернативы развития тут же перешли в разряд научной или околону научной фантастики.

Иногда можно услышать мнение и такого порядка: тот или иной феномен изучается в аспекте альтернативности с целью извлечения неких выводов для того, чтобы не повторять те или иные непродуктивные (ошибочные) действия в дальнейшем. Иллюзорная надежда и вовсе не потому, что «история учит тому, что ничему не учит». Ведь если история учит тому, что ничему не учит, то она уже чему-то учит. Но главное не в парадоксах и софизмах, а в том, что есть осуществлённый исторический процесс. А вот это и есть альфа и омега любых исторических реминисценций. В этом контексте советский путь белорусской государственности на первых этапах её жизни определяет и пути исследования этого феномена, и его оценки, и основные методологические подходы. Здесь диалектика двоякого рода. С одной стороны, есть та реальность, которая определяет наши подходы к её изучению. С другой стороны, мы вовсе не находимся в плену у этой реальности. Мы можем позволить себе выбор тем, методик, методов изучения этой реальности, осознавая свою принадлежность этой же эпохе.

Есть и ещё одна важная проблема. Её можно обозначить в виде диалектики общего и особенного в строительстве государства, как общего, федеративного государства, так и государства национального. Или, иными словами: строительство союзной государственности способствовало развитию национальной государственности или же затрудняло её? Каковы были особенности этого строительства, о какой специфике можно вести речь? Представляется, что один из ответов на эти непростые вопросы может иметь такой вид: это был неоднородный, противоречивый процесс, в котором имели место отступления от классического марксистского понимания, было то, что можно назвать теоретическим развитием темы, но общий итог этого развития был, вне сомнений, позитивным.

Не надо забывать, что формирование белорусской государственности в рамках СССР осуществлялось, фактически, с нуля. Как в теоретическом, так и в практическом плане. Национальные кадры только-только стали заявлять о себе, те группы прогрессивно мыслящей национальной интеллигенции, которые заявляли о себе в конце XIX века, были малочисленны, неорганизованны, не представляли, из себя реальной национальной силы. Тот бурный рост национального самосознания, чему мы были свидетелями в первой четверти прошлого века, был во многом следствием раскрепощения масс, раскрепощения национальной интеллигенции и потому столь быстро появились её первые реальные плоды (белоруссизация, появление первого национального университета, правда, позже, реальные достижения литераторов, деятелей культуры в целом). То есть, процесс создания и развития советского государства, формирование советской цивилизации означал и появление, первые ростки цивилизации национальной. Это был единый процесс.

Вместе с тем, нельзя не говорить и о том, что советская цивилизация, обладающая несомненным приоритетом перед цивилизацией национальной (в данном контексте – белорусской) способствовала не только росту и расцвету последней, но и уничтожала те её плоды, уничтожались те её достижения, которые противоречили известным

искусственным теоретическим схемам, преобладающим над требованиями жизни и глубинными требованиями развития национального духа.

Мы часто фокусируем внимание на противоречии такого рода. Ведь был социальный оптимизм масс, было их действительно реальное, живое творчество, было то, что по отношению к иным цивилизациям называют «зарёй», «началом расцвета» и здесь же было совсем иное, фактически, противоположные по направлению и характеру процессы. В частности, желание любыми средствами и способами настоять на своём понимании ценностей, движение в узком кругу стереотипов, а В.И. Ленин, который, пожалуй, один был способен пересмотреть и исправить на глазах складывающиеся догмы, который готов был отступить от раз и навсегда заученных истин, очень рано ушёл из жизни.

Успехи Беларуси в рамках развития единого союзного государства, СССР, неоспоримы. Здесь нет необходимости возвращаться к ним и повторять очевидное. Для нас важнее подчеркнуть и охарактеризовать ещё одну важную проблему, которая имеет прямое отношение к нашему сегодняшнему состоянию, нашим нынешним национальным задачам и целям. Это вопрос о традициях, о преемственности, о том, надо ли отказываться от советского опыта, от всего того, чем была наполнена наша жизнь ещё вчера. В методологическом аспекте решение этого вопроса зависит от ряда факторов. Перечислим некоторые из них. Это, во-первых, ментальная предрасположенность к накоплению социального опыта и репродуцированию его в будущих поколениях. Это, во-вторых, «традиция традиции», если будет позволено так выразиться. То есть, сформировано ли в обществе уважение к традиции и понимание важности линии на преемственность развития. В-третьих, это состояние самого белорусского общества, его политико-экономические реалии.

Если мы в начале коснёмся этого, третьего пункта, то он означает зрелость, стабильность общества, его готовность к компромиссам, отсутствие резких полярных мнений, чреватых социальными столкновениями. Почему, скажем, современное английское общество остаётся по существу традиционным? Да потому, что в основе этой традиционности единство в понимании стратегии развития английского общества и государства. Единство, основанное на всё той же исторической традиции. И эта традиционность носит стабилизирующий для общества характер. Стоит вспомнить, как У. Черчилль отвечал после Второй мировой войны на вопрос о том, помогал ему или мешал в сложнейший военный период институт монархии? Бывший премьер ответил так: где-то помогал, где-то мешал, но без него войну мы бы не выиграли. У нас же такого рода единство иногда подвергается атакам со стороны тех сил, тех деятелей, которые не приемлют реализуемого президентом А. Лукашенко курса. Да, у нас по сравнению с английской национальная история до сих пор является ареной столкновения не только историков, но и идеологов. Да, у нас не сложилась культура традиций, культура преемственности. У нас даже не сложилась – в спектре политических партий – консервативная партия, потому что консервировать-то особенно нечего. Но у нас должно быть понимание необходимости формирования традиционного общества. Не в смысле исключительно охранительном, а в смысле того непреложного факта, что каждое поколение начинает жизнь не с чистого листа, а на плечах своих предшественников.

Данные констатации связаны и с тем, что «традиций формирования традиций» у нас немного. Уже на наших глазах началось обрушение советских традиций, которые наши отцы и деды формировали далеко не в простых условиях выживания в условиях войн и разрухи. И чему здесь удивляться: традиции царского периода, времён Российской империи тоже были благополучно уничтожены. И вот опять дежа-вю: в Беловежской пуще разыскали и установили на дорогах, мостах царских орлов, вензеля императорской фамилии и вовсе не потому, что в обществе заметна тяга к реанимации дома

Романовых. Речь идёт всё о том же: понимании важности и обязательности традиционного мышления, традиционных форм общежития, связи поколений. Белорусское общество, несмотря на имеющие иногда место упрёки в консервативности и даже патриархальности, нуждается, тем не менее, в осознании важности и необходимости понимания связи времён. И та логическая, смысловая цепочка, которую мы протягиваем от времён Полоцкого княжества до современной независимой Беларуси, есть следствие того, что нам удаётся добиваться поставленных целей.

Заключение

Заключить хотелось бы тем, с чего начался разговор, с идеала. Ныне популярны прагматические установки, правят бал те из нас, кто проповедует креативность и первоочередность практических целей и задач. Это понятно: общество в каком-то смысле устало от идеалистических клише периода развитого социализма и дезавуирует их путём обращения к материальным вещам и процессам. Советское общество «перекормило» нас идеалистическими формулами о царстве всеобщего благоденствия, коммунистическими проектами и психологически такой поворот к меркантильности, прагматичности вполне понятен. Но вопрос в ином: уже сегодня заметно понимание того, что с водой мы в очередной раз выплеснули и ребёнка. Что сам по себе прагматизм не панацея общественного согласия, общественного довольства и благополучия, он вовсе не синоним прогресса. Прагматизм не может быть общественным идеалом по определению. Сам по себе прагматизм не решает основные вопросы человеческого общежития и для этой констатации вовсе не надо быть философом. Сегодня в обществе заметен поворот к идеальным конструкциям и вовсе не для того, чтобы зачеркнуть то, чего большинство добилось: материальной стабильности, жизненного успеха, словом, базисных вещей. Не об этом речь. Разговор всё больше о том, что для преодоления социальных язв, наркомании, преступности, уменьшения числа суицидов мало «хороших законов» и мало «повышения уровня благосостояния». Что вообще для развития общества мало цифр и дел, нужны идеалы, нужны идеальные цели. Советское общество в этом смысле – благодарный период, благодарный пример. Потому что понять многие вещи (победа в войне, восстановление народного хозяйства) вне идеальных целей, которые ставили перед собой советские люди, невозможно. Кстати: идеал действительно в этом смысле становился реальной материалистической силой. Есть и иной аспект темы, это реальные достижения в сфере культуры. Не секрет, что мы сегодня во многом «проедаем» то, что было накоплено в прошлом веке. А вот что касается эпохальных проектов дня сегодняшнего, то как-то сразу и не вспомнишь. Разве что «Комеди клуб» или «Прожекторпересхилтон»?

Другими словами, нам не нужна «советизация сознания», нам нужно понимание важности единства времён, необходимости консервативности мышления, пусть в ограниченных пределах, сохранения лучшего и важнейшего в нашем национальном развитии. И здесь тема советской цивилизации, её изучение и интерес к ней может сыграть благодарную роль.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркс, К. Сочинения. Изд. 2 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Изд-во политической литературы.
2. Достоевский, Ф.М. Политическое завещание. Сборник статей за 1861–1881 гг. / Ф.М. Достоевский. – М. : Алгоритм, 2006.

Lepeshko B.M. Soviet Civilization: Some Methodological Issues of Studying the Phenomenon

The article draws attention to the phenomenon of Soviet civilization. The main content of the article refers to characteristics of a number of important methodological issues. In particular, these issues are the relationship of the Soviet project with the ideas of Western Conceptualists, the influence on the development of Soviet civilization, national spiritual traditions. Much attention is paid to modern aspects of the topic: the importance of Soviet civilization to the sovereign development of Belarus, the role of social ideal and its need in the modern pragmatic thinking, indeed.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 28.12.2010